

В конце концов рану Фэн Юаньси вновь перевязал Сяо Чжочин.

Видя, как тот пренебрегает собственным телом, Сяо Чжочин позволил себе редкую твердость и силой заставил Фэн Юаньси вернуть руку.

– Неужели сей поступок Вашего Величества означает, что Вы намерены отречься от всех людей Поднебесной и нас, ваших подданных?

...Кто собирался от него отречься?

Фэн Юаньси не стал с ним бороться и позволил увести свою руку.

Сяо Чжочин тщательно перевязал рану, и в тот момент, когда он затягивал узел на бинте, в его сердце созрело окончательное решение.

Если даже жизнь императора висит на волоске, разве может он, Сяо Чэ, дорожить собственной шкурой?

К тому же, даже такому истинному любимцу судьбы, как Ван Юань, чтобы убить его, потребуется ждать целых три года. Ему не терпелось узнать, хватит ли у этого тайного вестника и злоумышленника сил и умения лишить жизни самого Сяо Чэ.

Закончив перевязку, Сяо Чжочин обеими руками вернул руку Фэн Юаньси и с тяжелым сердцем произнес:

– Этот подданный удаляется.

Рука Фэн Юаньси полыхала жаром, и даже когда он опустил ее на колено, он почти не чувствовал ее.

Сяо Чжочин отвесил глубокий поклон, его одежды взметнулись порывом ветра, и он решительно зашагал прочь.

Сначала он зашел в храм Дали и достал дела, хранившиеся под замком в его письменном столе. Лян Куо как раз вернулся из управления войск и лошадей пяти городов, ведя за собой целую толпу взбудораженных людей.

– Этот негодяй Ши Сюцзе что, отрастил крылья? Во всех восьми городских воротах нет записей о его выезде из столицы, так как же во всем Ецзине его следы простыли?

Этот бывший соратник и чиновник не только совершил покушение на Императора, но теперь, загнанный в угол, норовил сорвать черные чиновничьи шапки с каждого из них.

Приспешники князя Ляня во главе с Лян Куо люто ненавидели его и жаждали лишь одного: схватить живьем, чтобы предать мучительной казни через тысячу разрезов и четвертование.

Бранясь на ходу, Лян Куо вылетел из присутствия и едва не столкнулся лицом к лицу с выходящим оттуда Сяо Чжоцином.

Бумаги в его руках чуть не рассыпались. Подняв глаза и узнав Лян Куо, Сяо Чжоцин слегка улыбнулся:

– Прошу прощения.

Прошу прощения, этот низший чин как раз направляется написать донос на вашего сиятельство.

Лян Куо нахмурился в недоумении.

Столкнулись-то с самим Сяо Чжоцином, так с какой стати он извиняется?

– Куда это направляется господин Сяо?

– У меня есть несколько дел, которые необходимо доставить в резиденцию князя Ляня для личного ознакомления его высочества, – ответил Сяо Чжоцин.

– Ох, – Лян Куо, занятый поисками этой презренной твари Ши Сюцзе, не имел ни малейшего желания возиться с мелкими расследованиями. – Ну ступай.

Сяо Чжочин кивнул:

– Слушаюсь.

Спустя полчаса Сяо Чжочин уже стоял перед письменным столом в кабинете князя Ляня, поочередно представляя собранные дела.

– Ваше Высочество, позавчера в руки этого подданного попало дело об убийстве Юньнян из павильона Цветочного Изобилия. Поскольку Юньнян погибла от руки высокопоставленного чиновника, этот подданный усмотрел в деле подозрительные детали и провел расследование, кое поистине выявило истинного убийцу.

Дела были аккуратно разложены перед князем Лянем, вещественные доказательства имелись в полном объеме, и Сяо Чжочину оставалось лишь озвучить то, что князь жаждал услышать.

– В ту ночь, Ваше Высочество, после свидания с Юньнян, несколько господ во главе с Сюй Хуамао затеяли за нее торги. В конце концов господин Сюй предложил наивысшую цену и в ночь на четырнадцатое третьего лунного месяца выкупил Юньнян. В ту же ночь она поднялась на расписную лодку господина Сюя, а наутро ее тело вернули в павильон Цветочного Изобилия. На нем насчитывалось более двадцати следов побоев, причем смертельный удар пришелся в шею – она погибла от удушья.

Произнося эти слова, Сяо Чжочин украдкой следил за выражением лица князя Ляня.

Тот гневался не потому, что эти люди смели устраивать торги за потешившую его блудницу, а потому, что вспомнил о несравненной, соперничавшей снегом и илеем красоте Юньнян.

Сяо Чжочин вовремя испустил тонкий вздох:

– Дева Юньнян обладала несравненной красотой, и подвергнуться столь жестокому насилию, увянуть подобно цветку – поистине прискорбно.

Князь Лянь в ярости ударил ладонью по столу:

– Сюй Хуамао совсем потерял страх!

Что значило подобное издевательство над женщиной, принадлежавшей ему? Уж не затаил ли тот какого-то недовольства, раз решил выместить злобу на красавице и вдобавок замучить ее до смерти?

Князь Лянь поднялся, собираясь уходить, но Сяо Чжоцин тут же подал голос:

- Прошу Ваше Высочество погодить.

Князь обернулся и смягчил тон:

- Дело ты справил отлично. Как только Я вернусь, непременно буду вознагражден.

Однако Сяо Чжоцин сохранил невозмутимость:

- Разве Ваше Высочество не желает узнать, почему вину взял на себя Цуй Мао из управления Цинли?

Князь Лянь вовсе не горел желанием это выяснять, но из уважения к заслугам Сяо Чжоцина бросил на ходу:

- И почему же?

Сяо Чжоцин ответил:

- Во-первых, Сюй Хуамао и прочие изволили вести дела под вымышленными именами. Простой люд из павильона Цветочного Изобилия знал лишь некоего господина Мао, даже не ведая, что под этим именем скрывается Сюй Хуамао.

Князь Лянь рассеянно промычал в ответ.

Тон Сяо Чжоцина резко изменился:

- Во-вторых, сие дело вел лично глава храма Дали, господин Лян Куо. Он покрывал господина Сюй, подтасовывал улики и принудил Цуй Мао взять вину на себя.

- ...Что?

Князь Лянь поднял глаза. Взгляд Сяо Чжоцина был чист и холоден, а вопрос бил точно в цель.

- Ваше Высочество, господин Лян и господин Сюй тайно сговорились, покрывали преступления друг друга и замучили до смерти женщину из покоев Вашего Высочества. Докладывал ли вам кто-нибудь из этих двоих господ о подобных художествах?

Нет. Разумеется, нет.

Ярость князя Ляня взметнулась до небес.

Лян Куо и Сюй Хуамао – кто они такие? Кровавые клыки да верные псы из его же свиты!

Их власть была дарована им с его барского плеча. Если они творили произвол, утопали в коррупции и предавались утехам, он закрывал на это глаза – но эти ничтожества, возгордившись от его снисхождения, возомнили себя выше него!

К счастью, нашелся Сяо Чжоцин.

Видя, что его вводят в заблуждение, Сяо Чжоцин попросил государя внимательней изучить улики. Сюй Хуамао, покупая шлюху, не моргнув глазом выкладывал почти десять тысяч лянов серебра; в ту ночь он затеял убийство на расписной лодке, пригласив туда Лян Куо и прочих приспешников князя Ляня. пышность того пиршества ничуть не уступала Весеннему пиру на реке Ешуй самого князя Ляня.

Каждое слово Сяо Чжоцина касалось норм приличия, справедливости и партийных распрей, но князь Лянь уловил между строк лишь одно-единственное слово.

Деньги!

Сколько лет прошло с тех пор, как Сюй Хуамао возвысился благодаря его поддержке? И вот он расточает казну с такой безумной роскошью, что едва ли не превзошел его самого!

К тому же, пусть не думают, будто он не понимает: неужто Лян Куо выгораживал их из чистого милосердия, словно переродившийся бодхисаттва?

Чтобы заставить Лян Куо шевельнуться, тоже требовалось серебро!

Тайные взятки, сокрытие преступлений, обман высшего руководства! И всё из-за какой-то блудницы! Сколько же всего эти люди натворили за его спиной?!

Князь Лянь смахнул со стола абсолютно всё.

Сяо Чжочин понял: он победил.

В тот же день князь Лянь сурово покарал Сюй Хуамао и прочих чиновников.

Сюй Хуамао разжаловали и сослали, а всё его имущество конфисковали в казну; остальные чиновники, участвовавшие в тех торгах, лишились части жалованья и понижения в чинах, а также были вынуждены выплатить князю Ляню баснословный «откуп», чтобы хоть как-то удержаться на плаву.

Что же до Лян Куо, то он удостоился от князя Ляня яростного разноса за бездарность, служебное несоответствие и превышение полномочий. Хотя дело ограничилось лишением жалованья, в качестве сурового урока его лишили реальных рычагов власти.

Разумеется, он прекрасно ведал, чьих это рук дело.

Потому что отнятая у него власть перешла прямиком в руки Сяо Чжочина.

Уже на следующий день ранг Сяо Чжочина повысили. Князь Лянь отдал Ляню строжайший приказ вернуть Сяо Чжочину все полномочия младшего министра храма Дали, и отныне любое судебное дело подлежало рассмотрению и вынесению вердикта исключительно через Сяо Чжочина.

Князь даже проявил особую милость, замолвив слово перед тронем о давнем лишении его отца Сяо Шичэна дворянского титула, и добился императорского указа, по которому Сяо Чжочин наследовал отцовские регалии и становился наследником герцога Янь.

В одночасье Сяо Чжочин оказался на гребне волны, стяжав громкую славу и превратившись в новую звезду при дворе.

О даровании придворных одеяний, носороговых поясов, церемониальной утвари и роскошных паланкинов и говорить не стоило – когда Фэн Юаньси увидел его в следующий раз, даже расцветка одежд Сяо Чжоцина разительно отличалась от прежней.

Пурпурная мантия, пояс с пластинами из носорогового рога и черная марлевая тога подчеркивали исключительную белизну его кожи. Он напоминал стройный бамбук в золоченых чертогах нефритового императора – исполненный несокрушимого золотого духа и чистейшей кости, светлый и свободный, от него невозможно было отвести глаз.

Пурпурный цвет шел ему невероятно: одежды высокого достоинства струились вокруг него волнами властного величия, ярко сияя и заставляя его прекрасные глаза казаться еще выразительнее.

Интересно, как бы он выглядел в алых одеждах и высоком головном уборе первого министра или в пышных мантиях с вышитыми драконами и нефритовых поясах принцев и ванов?

Именно об этом думал Фэн Юаньси.

Сам же Сяо Чжоцин не заглядывал столь далеко.

Одним ударом расправившись с несколькими приспешниками князя Ляня, он теперь пользовался полным доверием самого князя, оказавшись на самом острие политических бурь.

Лян Куо, которого провели столь изощренным маневром, ненавидел его лютой ненавистью, но поделаться ничем не мог: скрежеща зубами в темноте, он был вынужден послушно рыскать по столице в поисках бесследно исчезнувшего Ши Сюэзе.

Теперь же в храме Дали полновластным хозяином стал Сяо Чжоцин.

И ему больше не было нужды опасаться Лян Куо.

В четырнадцатый день лунного месяца Сяо Чжоцин в одиночестве отправился на берег реки Ешуй.

Дело было закрыто, и когда он давеча проезжал мимо павильона Цветочного Изобилия по служебной надобности, хозяйка заведения, Юньнян, специально вышла, чтобы выразить ему свою благодарность за Юньнян.

- Если бы не господин, несправедливая гибель Юньнян, пожалуй, так и осталась бы скрыта во тьме до конца дней, - произнесла Юньнян.

Сяо Чжочин покачал головой:

- Это мне надлежит благодарить ее.

Одинокая и хрупкая женщина, скитающаяся меж севером и югом, она с самого начала была лишена права выбора. Сам будучи слабым и не имея возможности спасти ее жизнь, он теперь благодаря ей обрел твердую почву среди партии князя Ляня - именно она заслуживала того, чтобы ее имя было прославлено в веках.

Юньнян поведала ему, что Юньнян похоронена на берегу Ешуй, лицом на юг, в сторону родных мест. Поблагодарив ее, Сяо Чжочин сел в экипаж и тронулся в путь.

Он не ведал, что едва его повозка скрылась из виду, из-за спины Юньнян бесшумно вынырнул человек.

- Глава павильона, продолжать слежку?

Юньнян неторопливо затянулась трубкой:

- Хозяин изволил приказать: следовать неотступно.

Из двух людей, за которыми по приказу господина тайная организация Фэнду вела наблюдение, одного они уже отправили на тот свет; оставался лишь этот единственный.

Приказ государя оставался неизменным, и как верный преданный агент она обязана была подчиниться, не позволяя себе никакой самостоятельности.

Потому в ту ночь в депеше, доставленной в двор Изогнутой Террасы, значилось лишь несколько скупых строк:

«Четырнадцатое число пятого месяца. Сяо в одиночку отправился к реке Ешуй совершить

погребальный обряд. Глубокой ночью поднялся сильный ветер, бумажные деньги вихрем полетели к середине реки; Сяо играл на цине перед могилой, возлил вино и вернулся с фонарем в руках».

В последнее время Сяо Чжоцин стал замечать странности.

С того самого дня, когда он перевязывал рану Фэн Юаньси, на теле императора то и дело появлялись новые увечья.

То на шее, то на руке, а порой и вовсе на лице.

Синяки, царапины, багровые полосы – разнообразие этих отметин поражало воображение, не позволяя Сяо Чжоцину даже приблизиться к разгадке того, при каких обстоятельствах тот умудрялся травмироваться.

Первые несколько раз он панически пугался, едва ли не бросая учебные занятия, чтобы кинуться к нему с осмотром.

Очищая раны и накладывая мази, он в приступе подозрительности лихорадочно перебирал в памяти текст романа, сопоставляя свежие повреждения с описанием застарелых недугов полуживого Фэн Юаньси со страниц книги.

Например, шрам на локте Фэн Юаньси был четко описан в сюжете.

Вот только в книге те шрамы уходили вглубь до самой кости, выглядя страшными и уродливыми, тогда как на руке нынешнего Фэн Юаньси кожа была чистой и гладкой, если не считать одинокой торчащей ссадины...

Опять не сходилось.

– Неужели кто-то из дворцовой челяди осмеливается выказывать неуважение к Вашему Величеству?

Сяо Чжочин снова заподозрил, что государя кто-то истязает.

Однако в этот самый момент, пока он говорил, с его пальцев соскользнула и брякнула об пол фарфоровая баночка с мазью.

Фэн Юаньси наклонился, чтобы поднять ее. Широкие мягкие складки императорского хаоса струились по полу, и под этим водопадом весенней ткани проступали крепкие, стройные линии юношеского тела; сквозь широкие плечи и сильные кости угадывался тугой рельеф упругих мышц.

Сяо Чжочин: – ...

Верно. Во внутренних покоях дворца все шарахаются от него как от чумы, да и у кого хватило бы духу истязать самого Сына Неба?

Ломая голову над неразрешимой загадкой, Сяо Чжочин нахмурил брови, даже не заметив, как Фэн Юаньси вернул баночку на место, бросив на него быстрый, ничем не выдающий себя взгляд.

Опять витает в облаках?

Фэн Юаньси посмотрел на ранку у себя на руке.

Неужели повреждение оказалось недостаточно глубоким?

Но ведь Сяо Чжочин уже видел серьезные травмы. Стоило одной лишь царапине от железного шила напугать его, как Фэн Юаньси тут же умерил усердие.

В этот момент в поле его зрения попал Дунцзюнь.

Сегодня его когти были закованы в путы, а сам он привязан к золотому насесту.

Дунцзюнь выражал крайнее недовольство, беспрерывно оглашая окрестности резким клекотом, пытаясь привлечь внимание Сяо Чжоцина.

Разве только эта птица умеет подавать голос?

И вот, пока Сяо Чжоцин силился разгадать тайну загадочных травм, до него донесся едва слышный, тихий стон боли:

- ...Цсс.

Сяо Чжоцин мгновенно пришел в себя:

- Больно, Ваше Величество?

Фэн Юаньси помедлил секунду, а затем кивнул.

- Этот подданный будет осторожнее, - с виноватым видом произнес Сяо Чжоцин.

Только...

Опустив глаза, он глянул на царапину. По сравнению с теми увечьями, что Фэн Юаньси носил на себе в прошлые дни, эту полоску и раной-то назвать было стыдно.

Он с недоверием покосился на зажатую в пальцах склянку.

...Если от такого пустяка ему так больно, неужели дело в самой мази?

<http://bllate.org/book/18810/1865695>